

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)
У71

Рецензенты:
академик *Б. В. Ананьич* (СПб ИИ РАН)
д. и. н., проф. *М. Ф. Флоринский* (СПбГУ)

*Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Исторического факультета СПбГУ*

У71 **Уроки истории — уроки историка**

Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / сост. Т. Н. Жуковская; отв. ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 456 с., ил.

ISBN 978-5-905986-88-8

В книгу включены исследовательские статьи по проблемам отечественной истории, таким как взаимоотношения власти и общества в XVIII–XX вв., государственное и местное управление, история университетов Российской империи, русско-украинские связи в историческом прошлом, вопросы историографии и источниковедения Новой истории России. Сборник подготовлен по итогам международной научной конференции Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, посвященной 80-летию профессора Ю. Д. Марголиса (1930–1996), и включает также мемориальные статьи об этом замечательном человеке и талантливом историке.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)

Издание подготовлено за счет средств конкурса Исторического факультета
СПбГУ на издание научных трудов

ISBN 978-5-905986-88-8

© Коллектив авторов, 2012
© Исторический факультет Санкт-Петербургского
государственного университета, 2012
© Музей истории Санкт-Петербургского
государственного университета, 2012

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

⁵⁵ Пуришкевич В. М. Открытое письмо министру народного просвещения Л. А. Кас-со // Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914. С. VI.

⁵⁶ День. 1914. 4 марта. С. 3.

⁵⁷ Русские ведомости. 1914. 4 марта. С. 2.

⁵⁸ Пуришкевич В. М. Указ. соч. С. V.

⁵⁹ Оно было также напечатано в газете «Земщина» и журнале «Прямой путь».

⁶⁰ Пуришкевич В. М. Материалы по вопросу... С. VI.

⁶¹ Там же.

⁶² В главной палате Союза Михаила Архангела // Прямой путь. 1914. № 3. С. 253.

⁶³ Пуришкевич В. М. Материалы по вопросу о разложении... С. 270.

⁶⁴ Труды VII съезда... СПб., 1911. С. 92.

⁶⁵ Пуришкевич В. М. Указ. соч. С. X.

⁶⁶ Вернадский В. И. 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб., 1912. С. 19.

⁶⁷ Не отозвался на «Материалы...» и «Журнал министерства народного просвещения».

⁶⁸ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. А., 1990. С. 263.

⁶⁹ Любош С. Русский фашист Владимир Пуришкевич. А., 1925. С. 29.

Е. А. Ростовцев

Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны)*

Связи Петербургского университета (как и русской науки в целом) с немецкой наукой носили тесный и длительный характер — включая постоянные публикации столичных профессоров в немецких научных журналах, работы в немецких библиотеках и архивах, стажировки студентов в немецких университетах и т. п. Не менее важно и то, что именно немецкие университеты воспринимались профессорским сообществом в качестве образца для российской высшей школы, а «гумбольдтовский идеал» университета был одним из идеологических оснований той ожесточенной борьбы с правительством за «автономию» университетов, которую вел столичный университет (вместе с другими русскими университетами) во второй половине XIX — начале XX века¹. В исследованиях по истории науки достаточно подробно показана связь русской, в том числе университетской, науки с немецкой². Из 66 иностранных почетных членов Петербургского университета, избранных в период с 1830 по 1917 г., немецких ученых (представителей Австрии и Германии) было 31; для сравнения: представителей французской науки — 10, англичан — 7 человек. Только в начале XX века (до 1914 г.) почетного членства были удостоены такие немецкие ученые, как юрист Генрих Дернбург, биолог Рудольф Вихров, зоолог Отто Бючли, биолог Август Вейсман, физик Вольдемар Фохт. Для сравнения: из представителей стран Ан-

* Статья подготовлена при поддержке Тематического плана НИР СПбГУ (№ 5.38.51.2011 «История Санкт-Петербургского университета в контексте истории российского государства и общества» № 5.39.144.2011 «История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве»). Толчком к размышлениям над настоящей темой стал доклад («Восприятие немецкой науки петербургской профессорской корпорацией в канун и во время I Мировой войны»), который автор несколько лет назад сделал в Галльском университете на конференции «Российские и немецкие университеты в XIX — начале XX века: совместное участие в формировании интеллектуальной и политической элиты России» (22-24.11.2006) при поддержке РГНФ.

танты почетным членом в это время был избран только один — английский физик Джозеф Джон Томпсон³.

Важно подчеркнуть, что в составе петербургской профессорской корпорации на начало I Мировой войны было немало ученых немецкого происхождения во главе с ректором лютеранином Эрвином Гриммом. К этой группе католиков и протестантов, по всей видимости, немецкого происхождения накануне войны относились профессор Федор Браун, Христофор Гоби, Вильгельм фон-Зелер, Адольф Гольмстейн, Василий Бартольд, акад. Карл Залеман, лектор Фридрих Беттак, приват-доценты Оскар Вальдгауер, Августин Вольдемар, Эдуард Вальтер, Евгений Придик, Юлий Форсман, Августин Вольдемар, Филипп Вальтер, барон Сталь-фон Гольстейн, Георгий Меклер, Василий Сеземан, Карл Тиандер, Александр Шмидт, Виктор Шмидт, Александр Рихтер, заведующий биологической станцией Адольф Клюге, лаборанты и хранители кабинетов Карл Баумгарт, Александр Генкель, Александр Швейер, Павел Кок, Андрей Рихтер, Эрнест Фрицман, библиотекари Роберт фон-Антониус и Юлий Фридолин. Этот ряд можно продолжить. Даже ученый садовник при ботаническом саде университета Рудольф Федорович Ниман был евангелического вероисповедания⁴. Выходцы из этой группы преподавательской корпорации традиционно оказывались на ведущих должностях в университете и министерстве, что характерно для рубежа XIX–XX вв. Это, например, трое из его ректоров (А. Х. Гольмстен, Э. Д. Гримм, Д. Д. Гримм), министр Г. Э. Зенгер, товарищ министра барон М. А. Таубе. Впрочем, зачастую именно интеллектуалы немецкого происхождения оказывались наиболее последовательными «русскими патриотами». При этом речь идет не только о «правых» чиновниках, связавших, как М. А. Таубе, свою судьбу со службой режиму, но и о либералах. Так в литературе приводятся любопытные заключения о том, что российские интеллектуалы немецкого происхождения (например, П. Б. Струве, Э. Д. и Д. Д. Гриммы), примкнувшие к кадетам, были менее «национализированы», нежели октябристы, сохранившие свою немецкую идентичность⁵.

В этих условиях начало войны с Германией являлось несомненным вызовом корпорации столичного университета. Смогла ли профессорская корпорация сохранить внутреннее единство? Какова была стратегия ее представителей «немецкого происхождения»? Каковы были последствия вынужденного разрыва связи с германскими научными центрами и коллегами? Настоящая статья не ставит целью дать всеобъемлющий ответ на эти вопросы, а предлагает освещение лишь одного эпизода военной истории университета, в которой, по нашему мнению, нашли отражение «патриотические искания» университетской элиты. В ее фокусе — дело об исключении из состава почетных членов университета поданных вражеских держав. Этот вопрос тем более интересен, что в литературе высказывалась точка зрения о скатывании петербургской профессуры к шовинизму, причем в качестве одного из основных аргументов как раз и приводится решение об исключении из почетных членов университета немецких ученых⁶.

Впервые тема исключения была поднята проф. А. С. Догелем на заседании Совета университета 1 сентября 1914 г., на котором обсуждались Лувенские события (разрушение немецкими войсками в августе 1914 г. Лувенского университета в Бельгии и гибель его уникальной библиотеки)⁷. А. С. Догель также предложил профессорам не печатать своих работ на немецком языке, не выписывать немецких журналов, не покупать в Германии и Австро-Венгрии приборы и препараты для лабораторий университета. Как заявил А. С. Догель, «насколько я могу судить, теперь настал благоприятный момент, когда, наконец, мы можем и должны освободиться от столь заботливо в течение целых столетий опекающих нас германцев и устроить у себя дома все то, чем до сих пор нам приходилось пользоваться от услужливых соседей»⁸.

Однако идеи А. С. Догеля не получили поддержки коллег. Предложения своего профессора едко прокомментировал декан физико-математического факультета В. М. Шимкевич: «Прежде всего, задавшись какой-нибудь целью, надо считаться с тем можно ли ее выполнить». Декан отметил, что, конечно, лучше не закупать у Германии и Австрии препараты и приборы, но технологически это неосуществимо — например, соли радия для лечения больных можно пока получить только в Австро-Венгрии. В. М. Шимкевич согласился с тем, что лучше «эмансипироваться» от участия в немецких журналах, однако подчеркнул, что такая эмансипация должна проходить не путем зарока от участия в них, а путем основания собственных изданий. Особенно резко звучала отповедь декана по поводу предложения об исключении немецкой профессуры: «Что же касается до исключения почетных членов, то таковое даже не предусмотрено законом. России во время своего исторического роста и развития приходилось вести войны с многими национальностями; в том числе и с французами, англичанами и японцами, являющимися теперь нашими союзниками. Война — состояние временное, а научная работа — нечто постоянное и неизменное. Вот почему смешение этих явлений при обсуждении подобных вопросов едва ли будет верным путем для их решения. <...> Вопрос об исключении нами избранных и утвержденных в сем звании надлежащею властью, как законом совершенно не предусмотренный, обсуждению, на мой взгляд, в Совете подлежать вовсе не может». В результате Совет, согласившись с В. М. Шимкевичем, отказался даже от самого обсуждения вопросов, поднятых А. С. Догелем⁹.

Таким образом, первоначальная позиция Совета университета заключалась в принципиальном разграничении сфер науки и политики. Эта позиция петербургской профессуры нашла отражение и во время войны «манифестов профессоров», о чем в литературе уже сказано достаточно много¹⁰. С немецкой стороны это были выпущенные в октябре 1914 г. «Воззвание к культурному миру» («Воззвание 93-х») и «Обращение преподавателей высших школ германского рейха» («Манифест Германских Университетов»)¹¹. В тексте «Воззвания 93-х» содержался, в частности, обидный для российских ученых пассаж, исключаящий Россию из числа цивилизованных наций¹². В литературе существуют ошибочные утверждения о том, что Совет Петроградского университета принял «Ответ» на «Воззвание к культурному миру» и направил его для сбора подписей в высшие учебные заведения Петрограда и Москвы, что якобы послужило сигналом к изгнанию из университетов австро-венгерских и германских подданных¹³. В то же время ректор даже не пытался поставить этот вопрос на обсуждение в Совете университета, поскольку всем было изначально ясно, что единодушного «ответа» (как в некоторых других высших учебных заведениях) в Университетском совете сформулировать не удастся. Выход из щекотливого положения, в котором оказалась администрация университета, когда стало известно о подготовке подобных документов в других высших учебных заведениях, был найден в форме составления проекта¹⁴ всероссийского профессорского и академического манифеста от имени «группы профессоров» столичного университета¹⁵. По своей тональности заявление, составленное группой профессоров Петроградского университета, не выходило за рамки парадигмы либерального патриотизма и в определенном смысле перекликалось с оценкой «Воззвания к культурному миру», данной лидером кадетов историком П. Н. Милюковым¹⁶, поэтому под документом стоят подписи ряда членов кадетской партии. Однако и этот достаточно умеренный текст не подписали многие члены Совета Университета¹⁷, в том числе такие ученые с мировым именем, как А. И. Воейков, И. М. Гревс, А. А. Жижиленко, И. И. Лапшин, В. А. Стеклов, А. А. Шахматов, В. М. Шимкевич и другие, не говоря об ученых, преподававших в университете в качестве приват-доцентов

(например, академиках А. С. Лаппо-Данилевском и С. Ф. Ольденбурге), не включенных в Совет, как не имевшие собственной кафедры.

В этой ситуации в особо уязвимом положении оказался ректор университета Э. Д. Гримм: во-первых, потому, что сам происходил из семьи «русских немцев», что заставляло его лишней раз доказывать свою лояльность, во-вторых, потому, что как раз в это время решался вопрос о его утверждении в Министерстве народного просвещения на очередной срок в должности ректора (в октябре Э. Д. Гримм был переизбран Советом университета).

Новую проверку на патриотизм администрации университета пришлось пройти в ноябре 1914 г. 31 октября 1914 г. Совет Министров принял решение об исключении подданных воюющих с Россией государств (кроме лиц славянского происхождения) из состава всех российских государственных и частных институтов (учреждений и обществ), в том числе университетов, Академии наук и Публичной библиотеки. Исполнение решения возлагалось на соответствующие ведомства, одобрение Императором этого постановления последовало 19 ноября¹⁸. После того как стало известно о высочайшей конфирмации правительственного постановления, стало очевидно, что университету так или иначе придется вернуться к обсуждению проблемы своих почетных членов. Администрации университета, вынужденной лавировать между профессурой и правительством, вновь необходимо было найти линию поведения, которая позволила бы ей сохранить лицо. Вероятно, именно в это время у нее и возникает план действий, в котором главную роль суждено было сыграть профессору Берлинского университета Францу фон Листу, избранному почетным членом столичной университетской коллегии еще в 1897 г.

Можно сказать, что администрация умело воспользовалась медлительностью министерской бюрократической машины: официальное распоряжение министерства попечителям учебных округов во исполнение правительственного решения об исключении подданных воюющих с Россией государств следует только 26 ноября, а официальное письмо попечителя Петроградского учебного округа Н. К. Кульчицкого начальникам учебных заведений округа с предписанием о выполнении данного правительственного распоряжения — 2 декабря 1914 г.¹⁹. Эта ситуация давала администрации университета возможность организации превентивных действий. 21 ноября Правление Университета во главе с ректором Э. Д. Гриммом приняло решение о включении в повестку дня предстоящего заседания Совета университета вопроса «об исключении профессора Берлинского университета фон Листа, как подписавшего воззвание немецких ученых к культурному миру, из числа почетных членов Императорского Петроградского Университета»²⁰. Можно с уверенностью предположить, что фон Листом было решено «пожертвовать», чтобы сохранить остальных почетных членов. Поскольку ряд членов Совета только что поставил свои подписи под «Ответом» на обращение 93-х, одним из подписантов которого выступил Ф. фон Лист, ректор вполне мог рассчитывать на сочувствие такой постановке вопроса. Эти предположения косвенно подтверждает протокол заседания Совета Университета 24 ноября 1914 г.: «Ректор доложил о том, что в газетах появились сообщения о предстоящем распоряжении со стороны высшей власти об исключении из числа почетных членов всех лиц, подданных воюющих держав и спросил членов Совета, полагают ли они необходимым в виду этих сообщений, решить вопрос об исключении проф. фон-Листа из числа почетных членов Петроградского университета в этом заседании, или же признают возможным ожидать общего распоряжения со стороны Министерства народного просвещения об исключении всех почетных членов, состоящих в германском и австрийском государствах, которое вероятно последует в ближайшем будущем. Совет, выслушав по сему поводу

мнения профессоров Н. Н. Розина, В. А. Удинцева, В. М. Грибовского, ректора Э. Д. Гримма, А. И. Введенского, постановил вопрос об исключении профессора фон-Листа из числа почетных членов Петроградского университета не откладывать и обсудить его в сем же заседании».

Ректор предложил членам Совета приступить к прениям по вопросу об исключении фон-Листа. В прениях приняли участие профессора Ф. Ф. Зелинский, А. И. Введенский, Н. И. Кареев, А. А. Шахматов, Д. К. Петров, В. М. Шимкевич, Л. А. Чугаев, И. М. Гревс, М. И. Ростовцев, сам Э. Д. Гримм. После этого вопрос об исключении был подвергнут открытому голосованию. Подавляющим большинством голосов постановили «исключить профессора Берлинского университета фон-Листа из числа почетных членов Петроградского университета и представить сие постановление на утверждение г. министру народного просвещения». Характерно, что вопреки обычной практике текст протокола (протоколы подготавливались Правлением университета) не содержит ни изложения существа мнений, участвовавших в прениях профессоров, ни конкретных результатов голосования по делу фон Листа²¹. В опубликованном протоколе Совета отсутствует и «отдельное» мнение академика А. А. Шахматова (к слову сказать, он сам был почетным доктором Берлинского университета), в котором он решительно протестовал против исключения фон Листа, поскольку, во-первых, не считал поступок фон Листа «позорным» и достойным исключения, во-вторых, потому что такое «исключение Листа равнозначно его правительственному осуждению»²².

Решение Совета по делу фон Листа дало возможность ректору Э. Д. Гримму отчитаться о выполнении правительственного постановления. В письме попечителю Петроградского учебного округа подчеркивалось в качестве заслуги университета представление в министерство по делу об исключении фон Листа, в то же время ректор делал вид, что он не понял смысла правительственного постановления относительно других почетных членов Университета, считая, что «означенное журнальное постановление [Совета министров] имеет в виду исключение лишь тех лиц, которые принимают в делах университета деятельное участие, а почетные члены вообще и в частности иностранцы в деятельности университета никакого участия не принимают» и просил по этому поводу разъяснений попечителя. Кроме исключенного Франца фон Листа, в числе «вражеских почетных членов» были проф. зоологии Гейдельбергского университета Отто Бючли, проф. физики в Геттингенском университете Вольдомар Фохт и проф. Фрейбергского университета Август Вейсман (скончался в 1914 г.)²³. Поскольку формальных разъяснений попечителя Н. К. Кульчицкого не последовало, вопрос об исключении иностранных членов оказался в «подвешенном» состоянии. Только через полгода, в июле 1915 г., в адрес ректора был направлен новый запрос Н. К. Кульчицкого с просьбой перечислить ученых — подданных воюющих с Россией держав, «еще состоящих почетными членами университета». В ответном письме после перечисления фамилий было специально отмечено, что об этом попечителю «уже было сообщено»²⁴. На этом дело об исключении немецких ученых заглохло окончательно. Примечательно тем не менее, что фамилии этих ученых благоразумно исключались из печатных отчетов университета, начиная с 1914 г.²⁵

В то же время на протяжении всех военных лет Университет продолжает демонстрировать официальный патриотизм, периодически организуя разного рода торжественно-патриотические мероприятия: избрание почетным членом университета Бельгийского короля Альберта²⁶, избрание Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича почетным членом университета и приветственные телеграммы в его адрес²⁷, избрание почетным членом уни-

верситета председателя Государственной Думы М. В. Родзянко²⁸, участие в учреждении института исторических съездов имени Николая II²⁹ и т. п. Важной формой общественной активности и демонстрации профессорского патриотизма в годы войны было печатное слово³⁰. Впрочем, при внимательном анализе всех этих актов видно, что они не выходили за рамки либерально-патриотического дискурса³¹.

Таким образом, в условиях подъема шовинистических настроений начала войны корпорация, по существу, проигнорировала общегосударственное требование об исключении «вражеских подданных» из своих рядов, в значительной степени сохранив приверженность идеалам «чистой науки». Одновременно администрация университета, возглавив «патриотическую» партию внутри Университетского совета, нашла формы демонстрации лояльности по отношению к власти и к патриотически настроенному общественному мнению. Тем самым руководством Петроградского университета во главе с ректором Э. Д. Гриммом удалось сохранить формальное единство профессорской коллегии, минимизировав трения внутри корпорации на национальной и «патриотической» почве. В этом смысле политика либерального патриотизма, последовательно проводимая руководством университета, оказалась также и вполне эффективной корпоративной стратегией.

¹ См.: Ростовцев Е. А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. Vol. 2. P. 75–121.

² См., напр.: *Vernadsky George Rise of Science in Russia 1700-1917* // *Russian Review*. Vol. 28, No. 1 (Jan., 1969). P. 37–52; Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982; *Dahlmann Dittmar Before the Great War: German Entrepreneurs in Russia – Russian Scholars in Germany. Two Types of Russian-German Relations in the Decades before the First World War* // *Russian-German Special Relations in the Twentieth Century: A Closed Chapter?* / Schloel, Karl (Editor). Oxford, GBR: Berg Publishers, 2006. P. 11–30.

³ *Никольцева Г. Д., Шилов А. А.* Из истории международных научных связей Петербургского университета (зарубежные ученые — почетные члены университета) // *Очерки по истории Ленинградского университета*. Л., 1968. Т. 2. С. 167–171.

⁴ См.: Личный состав императорского С.-Петербургского университета 1914 года // *Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1913 год*. Под ред. и д. экстраординарного профессора И. Д. Андреева. СПб., 1914. Отд. XI. Отд. паг. С. 1–101.

⁵ См.: *Henriksson Anders Nationalism, Assimilation and Identity in Late Imperial Russia: The St. Petersburg Germans, 1906–1914* // *Russian Review*. Vol. 52, No. 3 (Jul., 1993). P. 351.

⁶ *Иванов А. Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // *ВИЕТ*. 1999. № 2. С. 111–112; Ср.: 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724–1999. Под ред. Л. А. Вербицкой. СПб., 1999. С. 279.

⁷ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года // *Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г.* Пг., 1916. С. 76–77.

⁸ Там же. С. 78.

⁹ Там же. С. 79–80.

¹⁰ *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интеллекта: первая мировая война и международное научное сообщество // *Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности*. М., 2001. С. 196–235; *Maurer T.* Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt» // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 2004. № 1. S. 221–247 и др.

¹¹ Русские издания см.: К культурному миру. Пг., 1914. С. 1–2; Манифест 93 ученых, Манифест Германских университетов // *Две культуры (К философии нынешней войны)*. Пг., 1916. С. 122–133. В этих декларациях подчеркивалась роль Германии как носительницы культуры, а ответственность за развязывание войны и ее последствия возлагалась

на противников Германии. В ответ последовал ряд «профессорских манифестов» ученых стран Антанты, а также Швейцарии и нейтральных в тот момент США. См.: Две культуры (К философии нынешней войны)...

¹² Собственные ответы на «оскорбительное воззвание» опубликовали Военно-морская академия, Казанский университет, Университет св. Владимира в Киеве и другие высшие учебные заведения. См.: Ответ на воззвание к культурному миру представителей Германской науки и искусства (От конференции Императорской Военно-морской Академии) // Речь. 29 января (11 февраля) 1915 г. С. 5; Ответ профессоров и преподавателей императорского университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. Киев, 1915; Ответ германским ученым // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2).

¹³ *Виноградов Ю. А.* Германские ученые — члены Императорской академии наук и Первая мировая война // Петербургская академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. III. С. 43. Ср.: *Иванов А. Е.* Указ.соч. С. 113; *Басаргина Е. Ю.* Императорская академия наук на рубеже XIX – XX веков. Очерки истории. М., 2008. С. 500–501.

¹⁴ См.: Воззвание немецких ученых к культурному миру по поводу войны 1914 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11027. Л. 5.

¹⁵ Ответ германским ученым // День. 1914. № 347 (789). 21 декабря. С. 3.

¹⁶ См.: *Миллюков П. Н.* Германия и война // Речь. 1914. № 283. 20 октября (2 ноября). С. 3.

¹⁷ См.: Ответ германским ученым... С. 3.

¹⁸ См.: Особый журнал Совета министров от 31 октября 1914. Копия // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 4–4 об.

¹⁹ Письмо попечителя Петроградского учебного округа Н. К. Кульчицкого начальникам учебных заведений округа. 2 декабря 1914. Копия // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 6.

²⁰ О заседаниях Совета в 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10824. Л. 20–20 об.

²¹ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 24 ноября 1914 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. С. 113–114.

²² Особое мнение Шахматова [24 ноября 1914 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 3.

²³ См.: Ректор Э. Д. Grimm — попечителю Н. К. Кульчицкому, 16 декабря 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 8–8 об.

²⁴ См.: Попечитель Петроградского учебного округа — и/ д. ректора университета, 7 июля 1915 г.; И. д. ректора — Попечителю Петроградского учебного округа Н. К. Кульчицкому, 29 июля 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 9–10.

²⁵ См.: Дело Совета Петроградского университета об отчете за 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10832. Л. 45; Отчеты о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1914–1916 гг. Пг., 1915–1916.

²⁶ Об избрании Бельгийского короля Альберта I Почетным членом Университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11028.

²⁷ Дело Совета об избрании Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Почетным членом университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11029.

²⁸ Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 82 об.

²⁹ См.: *Ростовцев Е. А.* Император Николай II — несостоявшийся доктор русской истории // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 100-летию со дня профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2009. С. 173–178.

³⁰ О русской интеллектуально-патриотической печати периода I мировой войны см.: *Maurer T.* Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt» // Jahrbuch für Wirtschafts Geschichte. 2004. № 1. S. 221–247.

³¹ См.: *Ростовцев Е. А.* Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 2009.

Коммуникации в Санкт-Петербургском университете:

Н. И. Кареев и А. С. Трачевский

Коммуникации в научной и педагогической среде университетов Российской империи — одна из тем, которая привлекает внимание современных историков. Коммуникативный процесс может быть выражен взаимодействием или конфликтом в горизонтальном и вертикальном направлениях. В горизонтальной плоскости — это взаимоотношения в среде студенчества¹ и в профессорской среде, в вертикальной — это отношения между преподавателями и студентами². Не претендуя на концептуальное раскрытие коммуникативного процесса в профессорско-преподавательской среде, на документальном материале опишем историю одного конфликта.

В конце XIX века в Санкт-Петербургском университете между профессором Н. И. Кареевым и приват-доцентом А. С. Трачевским возникли напряженные отношения. Суть и развитие конфликта воссозданы по переписке Н. И. Кареева и его ученика, соратника по Историческому обществу В. А. Мякотина³. Кареев в мемуарах писал о своем знаменитом ученике: «В 1890-е гг. сложились добрые и дружеские отношения... с Мякотиним, позже русским историком и публицистом, известным политическим деятелем»⁴. Двадцать писем Мякотина своему учителю, датированных 1890–1912 гг., хранятся в научно-исследовательском отделе рукописей РГБ (Москва)⁵, четырнадцать ответных (1891–1914) — в Пушкинском доме (Санкт-Петербург)⁶. Интересующая нас часть эпистолярного комплекса — это три письма, датированные мартом-апрелем 1891 г. — образует цепочку: «ответ–событие–ответ». Два из них принадлежат Мякотину, отсутствует первое письмо Кареева, в котором описано начало конфликта с Трачевским.

Несколько слов о главных героях, чьи имена вынесены в заглавие статьи. О Карееве в историко-научных исследованиях сказано немало, его биографии и творчеству посвящены статьи,⁷ монографии,⁸ диссертации⁹. Он предстает перед нами как всеобщий историк, философ истории, социолог, политический и общественный деятель, педагог, почетный член Академии наук. Сведений о Трачевском почти нет, едва ли не единственной статьей о нем является биографическая справка в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона,¹⁰ но сохранились некоторые архивные материалы, позволяющие в общих чертах воссоздать жизненный и творческий путь ученого.

Александр Семенович Трачевский родился в 1838 г. в купеческой семье. После окончания Ставропольской гимназии поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где специализировался по всеобщей истории у С. В. Ешевского¹¹. В 1869 г. защитил магистерскую диссертацию «Польское бескорольевье»¹², после чего принял приглашение великого князя Михаила Николаевича, наместника Кавказа и главнокомандующего кавказской армией, давать уроки истории его детям. Отъезд Трачевского из Петербурга был вызван неприятностями с полицией и скандальной историей в личной жизни. В 1870 г. историк посещал квартиру студента Санкт-Петербургского университета Голубева, на которой «собирались сотрудники периодических изданий и, между прочим, проводили идеи относительно изменения существующего государственного строя»¹³. Ввиду этого Трачевский по рекомендации В. А. Мякотина переехал в Санкт-Петербургский университет